

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

КАСПИЙ ГЛАЗАМИ ДРЕВНИХ АВТОРОВ (Продолжение. Начало статьи в № 3(12) – 2007 г.)

А.А. Курбатов
(Россия, г. Астрахань)

Античные сведения о южных и восточных прикаспийских областях. Несмотря на то, что названия некоторых племен Южного Прикаспия были известны грекам со времен Ксенофонта, упомянувшего в своем романе о воспитании Кира гирканцев и кадусиев¹, в дошедших до нас трудах античных авторов этому району уделено сравнительно небольшое внимание. В основном мы встречаем в них перечисление местных племен, данное иногда в произвольном порядке и в различной транскрипции (марды и амарды, анариаки и амарики, дербики и дрибики и т.д.). Из их сообщений явствует, что географически Южный Прикаспий делился на западную часть – Кадусию – и на восточную – Гирканию.

Страбон, ссылаясь на правителя прикаспийских областей при Селевке I Никаторе (311–281 гг. до н.э.) Патрокла, отмечает, что большую часть побережья в горной стране, идущей от территории албанов и армян, занимают кадусии на пространстве почти 5000 стадиев (885 км – А. К.); кроме них, в этих бесплодных областях живут гелы, амарды, витии и анариаки². Плиний приводит измерения побережья по Эратосфену: «с юго-востока по берегу Кадусии и Албании – 5300 стадиев (938 км – А. К.), оттуда, через земли атиаков, амарбов и гирканов, до устья реки Зона – 4900 стадиев (864 км – А. К.) ...»³. Далее он упоминает проживавших в соседстве с гирканами племена тапиров, анариаков и ставров⁴.

Помпоний Мела отмечает на побережье «Гирканского залива» лишь албанов, мосхов и гирканов⁵, явно объединяя южное побережье с западным. Птолемей скупо сообщает, что поморье заселяют «кадусии, гелы и дрибики, за которыми тянутся вглубь материка земли амариаков и мардов»⁶. Видимо, слабое внимание к юго-западному побережью Каспия объясняется бедностью этих земель вследствие бесплодия.

Гиркания же, по словам Страбона, весьма обширна и плодородна. В ней расположены значительные города, в том числе Талаброка, Самариана, Карта и столица Гиркании Тапа. Однако море гирканами не используется, а земля, несмотря на ее плодородие, используется плохо. Причину этого Страбон видит в том, что властителями гирканов были варвары (мидийцы, персы и парфяне), причем в соседней пустыне живут кочевники и разбойники. А македоняне владели страной недолго и были заняты войной⁷. О захвате Александром Великим всех гирканских городов до Каспийского моря писал и Диодор Сицилийский⁸, живший во второй половине I в. до н.э.

Ряд названий гирканских городов приводит Аммиан Марцеллин (IV в. н.э.): «Кроме многих незначительных городов, гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Соканда и Сараманна; другие лежат внутри страны: Асмурна, Сола и более известный, чем эти – Гиркана»⁹. Видимо, Сараманна идентична упомянутой Страбоном Самариане. Плодородие земель Гиркании Аммиан оценивает не так высоко, как Страбон, зато отмечает появившуюся к его эпохе морскую торговлю: «Внутри материка от Кармании живут гирканы, область которых омывает море того же имени. Так как в их тощей почве семя замирает, то и на земледелие обращается мало внимания. Они живут охотой ... Тем не менее, туземцы не лишены знакомства с плугом: некоторые местности, где почва плодороднее, засеваются; есть и древесные насаждения, где имеются для этого подходящие условия; многие живут здесь и морской торговлей»¹⁰.

Вероятно, как и персы, гирканы были зороастрийцами-огнепоклонниками, на что указывает сообщение Секста Эмпирика (II в. н.э.) о том, что своих умерших «гирканы

выставляют на пищу псам»¹¹. Аналогично и сообщение Порфирия (233–304 гг. н.э.) о гирканах и каспиях: «одни выбрасывают хищным птицам и собакам живых, другие – умерших»¹². В этих свидетельствах отражается зороастрийский погребальный ритуал, исключавший осквернение четырех священных стихий (огня и воды, земли и воздуха) трупами умерших.

Необозримые равнины Восточного Прикаспия в древности занимали кочевые ираноязычные племена, известные античным авторам под общим собирательным названием массагетов. Наиболее раннее описание их образа жизни и обычаев, одежды и вооружения, культа и брака, приправленные колоритными подробностями, принадлежат Геродоту, который пишет, что они «носят одежду, подобную скифской, и имеют такой же образ жизни; сражаются они верхом на конях и пешими ... посредством луков и копий, имея обыкновение носить и секиры»¹³.

Далее Геродот сообщает, что у массагетов, несмотря на моногамию, якобы существуют элементы общности жен, а среди прочих обычаев выделяет ритуальную антропофагию: «когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают. Такой конец жизни считается у них счастливейшим; умершего же от болезни они не съедают, а зарывают в землю, считая несчастьем то, что ему не пришлось быть убитым. Они ничего не сеют, а питаются мясом домашних животных и рыбой; последняя в изобилии добывается ими из реки Аракса, пьют также молоко. Из богов же чтут только солнце – Гелия, – которому приносят в жертву лошадей»¹⁴.

Все эти сведения, приведенные Геродотом в связи с развернутым повествованием о войне Кира с массагетами, в которой великий завоеватель был разгромлен и погиб, вероятно, имеют персидское происхождение и должны продемонстрировать дикость врагов. Пережитки ритуального каннибализма у кочевников вполне возможны (например, использование черепов убитых врагов в качестве чаши), но маловероятны в отношении родственников. Однако колоритные легенды о массагетах, заимствованные явно у Геродота, почти дословно передаются более поздними авторами, в частности, Страбоном¹⁵.

Позднее кочевников Восточного Прикаспия преимущественно называли даями (или дахами). Видимо, они кочевали по всему побережью. Страбон указывает, что скифы, называемые даями, живут «около Гиркании»¹⁶, то есть на юге, но также отмечает, что его современники «называют даями кочевников, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для врывающегося в него и называемых также парнами. Далее ... лежит пустыня»¹⁷. Следует помнить, что «вплывать» в Каспий в понимании Страбона можно только с севера, из «Скифского» океана.

Чуть ниже Страбон поясняет: «Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, живущих далее к востоку зовут массагетами и саками, а прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет и частное имя. Все они ведут по большей части кочевую жизнь... Одни из даев называются апарнами, другие ксандиями, третьи писсурами. Апарны ближе всех прочих прилегают к Гиркании и Каспийскому морю»¹⁸.

Из этого текста явствует, что через пять веков после войн с Киrom Великим, прикаспийские кочевники перестали называться (либо их перестали называть) массагетами, в то время, как их сородичи в восточных районах сохранили это общее наименование. Вероятно, на обширных степных просторах проходили процессы перемещения, деления и объединения кочевых ираноязычных племен, порождавшие новые этники.

В международной политике эти племена почти никогда не участвовали, за исключением тех случаев, когда их использовали цари соседних государств. В частности, Артабан III в. 36 г. н.э. сумел восстановить свою власть в Парфии с помощью наемного им большого войска из даев и саков¹⁹. Впрочем, римляне крайне пренебрежительно относились к восточным воинам, что явствует из слов Тита Квинкция Фламинина, ответившего на угрозы посла селевкидского царя Антиоха III еще в 192 г. до н.э. следующее: «... все эти разнообразно вооруженные ... даги, мидяне, кадусии и элимеи ... люди вследствие своего рабского образа мыслей немногим лучшие рабов, но не солдаты»²⁰.

Помпоний Мела отмечает у восточного побережья Каспия любопытный остров: «Остров Талга (отождествляемый современными учеными с о. Челекен – А.К.) в Каспийском море плодороден без обработки и изобилует всякими земными и древесными плодами; но соседние народы считают непозволительным и святотатственным трогать то, что на нем родится: по их поверью, все это приготовлено богам и должно храниться для богов»²¹.

Поздние античные авторы практически ничего не добавляют к нарисованной их предшественниками картине, что объясняется не столько отдаленностью и труднодоступностью этих степей и пустынь, сколько отпадением восточных территорий от эллинистического мира и враждебными отношениями Запада с Парфией, а затем и с Сасанидским Ираном. Лишь Дионисий Перигет (II в. н.э.), как отмечалось выше, фиксирует появление в прикаспийских областях гуннов («уннов»)»²². Природные же условия были таковы, что и все последующие перемещения племен Восточного Прикаспия проходили в рамках кочевого мира. Основной поток этих миграций в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. был направлен с востока на запад через нижневолжские и северокаспийские степи.

Античные свидетельства о Северном Прикаспии. «Отцу истории» Геродоту было известно, что вытеснившие киммерийцев из причерноморских степей скифы некогда соседствовали с массагетами: «... кочевые скифы, жившие в Азии, будучи теснимы войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю (... страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам) ... Киммерийцы, очевидно, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в мидийскую землю, сбившись с дороги: ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в мидийскую землю»²³.

В этом несколько запутанном сообщении нелегко разобраться. Аракс античные авторы помещали иногда на Кавказе, иногда – в Средней Азии. Судя по упоминанию Геродотом массагетов, вероятен только второй вариант. Не исключено, что он мог назвать Араксом и Волгу, хотя традиционно считается, будто Геродот знал ее под именем Оар, несмотря на его указание, что Оар с Танаисом (Доном) и другими реками впадает в озеро Меотиду²⁴ (Азовское море – А. К.). Отождествление Оар с Волгой базируется лишь на гипотезе, сближающей Оар с указанной Клавдием Птолемеем рекой Ра, впадающей с севера в Гирканское море²⁵ и несомненно являющейся Волгой. Но шесть веков, отделяющих Птолея от Геродота, принесли новые научные данные по географии вообще и по топонимике в частности, так что геродотовские Аракс и Оар вполне могут оказаться одной рекой, тождественной птолемеевской Ра.

Что же касается маршрута киммерийцев и скифов, то не исключено, что западные киммерийцы перешли через Дунай и черноморские проливы, вторгшись в Лидию, одна часть восточных киммерийцев отступала вдоль Черного моря и вышла на его южное побережье, осев в районе будущей Синопы, а другая часть восточных киммерийцев из северокавказских или нижневолжских степей добралась по западному берегу Каспия до Мидии. Учитывая общее направление миграций ираноязычных племен с востока на запад, можно полагать, что в степях Северного Прикаспия в начале I тыс. до н.э., сменяя друг друга, кочевали близкие во многих отношениях племена раннего железного века: киммерийцы, ранние скифы и савроматы²⁶.

И хотя еще долго все южнорусские степи по традиции именовались античными писателями Скифией, а ее обитатели – скифами, уже Геродоту (сер. V в. до н.э.) было известно, что «За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам...»²⁷. Отдавая дань мифологической традиции, Геродот приписывал им происхождение от скифских юношей и амазонок: «... переправившись через Танаис, они шли к востоку три дня от Танаиса и три дня от озера Меотиды к северу. Пришедши таким образом в местность, которую занимают и теперь, они поселились там. Отсюда савроматские женщины исстари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду. Савроматы говорят на скифском языке, но из-

древле искаженном, так как амазонки не вполне его усвоили ... у них ... ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага»²⁸.

Нельзя не видеть рациональное зерно в этих сообщениях. Участие кочевниц в традиционно мужских делах и умение верховой езды неминуемо воскрешало миф об амазонках, появившийся в результате контактов с более ранними евразийскими кочевниками. Языки близкородственных племен скифов и савроматов относились к иранской группе, что и отметил Геродот. В приписываемом знаменитому врачу Гиппократу (460–377 г. до н.э.) трактате колоритные подробности о савроматах явно заимствованы у Геродота и даже гипертрофированы: «В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его – савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей ... У них нет правой груди, ибо еще в раннем их детстве матери их, раскалив ... медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходят в правое плечо и руку»²⁹.

Непривычное для греков место женщин в савроматском обществе породило легенду об их главенстве над мужчинами, как это видно из географического сочинения II–I вв. до н.э., ранее приписывавшемуся Скимну Хиосскому: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий (354 км – А. К.). За ними, по словам Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем савроматов. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки ... по ним-то они получили название женоуправляемых»³⁰. Новый этноним «сарматы» был известен и крупнейшему историку II в. до н.э. Полибию³¹.

Знаменитый греческий историк и географ римской эпохи Страбон, использовавший не дошедшие до нас труды таких крупнейших ученых, как Посидоний, Эфор, Эратосфен, Гиппарх, Артемидор, Аполлодор и др., сохранил не только вышеназванные этнонимы, но и оставил нам свидетельства об их племенных подразделениях и местах их обитания, занятиях и обычаях. Некоторая путаница с названиями племен скифо-сарматского круга вполне естественна. Так, сарматское племя роксоланов, расселившееся в его время уже между Танаисом и Борисфеном (Доном и Днепром – А. К.) он называет скифским³², но зато описывает их вооружение и образ жизни: «Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным оружием им служат копья, лук и меч. Подобным образом вооружено и большинство других варваров. Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются»³³.

Страбон полагал, что южнее кочевых скифов обитают «сарматы, тоже скифское племя, аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием»³⁴. Из этих слов понятно, почему и роксоланы названы им скифским племенем.

У Страбона появляются и такие сарматские племена, как аорсы и сираки: «... кочевники, живущие между Меотидой и Каспийским морем, именно набианы, панканы и затем уже племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше народов ... Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором (63–47 гг. до н.э. – А. К.), выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин – даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и перевозя на верблюдах»³⁵. Следовательно, сираки и нижние аорсы занимали в то время степи Прикавказья, а верхние аорсы – степи Северного Прикаспия.

В то же время некоторые современники Страбона продолжали именовать северо-каспийские племена скифами, савроматами или иксиматами, сарматами и даже амазонками, неизменно заимствуя детали у Геродота и Гиппократа³⁶. Видимо, различия между этими племенами казались им несущественными, либо информация из столь отдаленных

земель была скудной и противоречивой, в отличие от проживавших близ периферии античного мира племен. Например, Тацит (ок. 55 – ок. 117/118 гг. н.э.) довольно подробно описал войну римлян и боспорцев в 49 г. н.э. с сираками, причем римлянам помог царь нижних аорсов³⁷. Ему же принадлежит драматическое описание вторжения в римскую Мезию роксоланов, «народа сарматского племени», отбитого римлянами³⁸. Поэт Лукан (39–65 гг. н.э.) упоминает «суровых и вечно воинственных аланов» в своей поэме, вкладывая эту фразу в уста Помпея³⁸.

Его современник Иосиф Флавий (ок. 37–90-е гг. н.э.) рассказал об опустошительном вторжении сарматского племени аланов, которых он считал частью скифов, «живущих вокруг Танаиса и Меотийского озера», в Мидию и Армению, откуда они «возвратились домой с большим количеством пленных и другой добычей из обоих царств»⁴⁰. Несмотря на то, что скифы давно уже были вытеснены сарматами в Крым, даже Птолемей считал аланов скифами: «Заселяют Сарматия очень многочисленные племена: ... по всему берегу Меотиды язиги и роксоланы; далее за ними внутри страны – гамаксобии и скифы-аланы»⁴¹. Видимо, постоянный приток кочевников с востока, из мест обитания «восточных скифов» (саков, массагетов и пр.) не укрылся от внимания античных ученых, что и отразилось в их трудах.

Тем удивительнее выглядит «воскрешение» савроматов эрудированным и добросовестным автором 2-й половины II в. н.э. Павсанием, смешавшим реалии (описание их кочевого быта, чешуйчатых панцирей, сделанных из лошадиных копыт, использование в боях арканов) с вымыслом (использование ими костяных наконечников копий и стрел из-за отсутствия железа)⁴². Вероятно, Павсаний (или его переписчик) перепутал савроматов с сарматами, которых в то время все чаще стали называть аланами, поскольку аланский племенной союз охватывал степи от Азова до Каспия, либо геродотовская традиция все еще сохраняла свое влияние, о чем свидетельствует пример автора 2-й половины IV в. н.э. Аммиана Марцеллина.

Упомянув вторгавшиеся в римские провинции Паннонию и Мезию конные отряды сарматов, имевших запасных коней и носивших роговые панцири⁴³, при описании более отдаленных областей он смешивает самые древние сообщения с новейшими: «... вокруг Танаиса обитают амазонки, простирающиеся вплоть до Каспийского моря. Река Танаис, ... отделяя Азию от Европы, теряется в Меотийском болоте. В соседстве с ним течет река Ра (Волга – А. К.) ... За Танаисом на широком пространстве живут савроматы ... Впрочем, племя савроматов раскинуто и по другим местностям на огромном пространстве ... Вокруг этих крайних и отдаленных болот живет много народов, отличающихся разнообразием языков и всего строя жизни: яксматы, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы ...»⁴⁴.

В то же время он хорошо осведомлен об аланах, живущих к востоку от Танаиса, за которым «тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор; они мало-помалу постоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности ... Разделенные по обеим частям света, аланы, ... живя на далеком расстоянии одни от других, какномады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи и одинаковое вооружение»⁴⁵.

Аммиан уделяет внимание быту аланских племен: «У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя в изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках ... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми ... Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами ... Почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей, очень подвижны вследствие легкости вооружения ... с целью грабежа или охоты они доезжают до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии»⁴⁶.

Аммиан уделяет внимание воинственности и культовым обычаям аланов: «У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов; они в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается. Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами»⁴⁷. Следует заметить, что данный фрагмент Аммиана сильно напоминает соответствующий пассаж Геродота, посвященный скифским обычаям⁴⁸, изложенный в значительном сокращении. Если вспомнить, что Аммиан отделяют от Геродота восемь веков, невольно возникает сомнение в возможности совпадения ряда обычаев скифов и аланов.

Но в качестве источника, впервые в античности описавшего гуннов и начало их вторжения, Аммиан остается непревзойденным. Их приход положил конец аланской гегемонии: «Этот подвижный и неукротимый народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, дошел до аланов, прежних массагетов ... Именно гунны, вторгнувшись в земли тех аланов, которые ... называются танаитами, многих перебили и ограбили, а остальных присоединили к себе по условиям мирного договора»⁴⁹.

Даже сейчас, спустя 16 веков, живо ощущаются чувства ужаса и опасения, отращения и презрения, растерянности от внезапной беды, постигшей античную цивилизацию, которые звучат в словах Аммиана о племени, которое «превосходит всякую меру дикости ... можно принять их за двуногих зверей ... они ... питаются кореньями полевых трав и полусырым мясом всякого скота, которое кладут между своими бедрами и лошадиными спинами и скоро нагревают парением ... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду ... Они одеваются в одежды холщевые или сшитые из шкурок лесных мышей; у них нет различия между домашней и выходной одеждой; раз одетая туника ... снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расползется в лохмотья»⁵⁰.

Аммиан верно оценивает социальное устройство и военную тактику гуннов, прирожденных всадников, буквально не сходящих со своих коней даже во время совещаний. «Они не подчинены строгой власти царя, а довольствуются случайным предводительством знатнейших и сокрушают все, что попадает на пути. Иногда ... они вступают в битвы клинообразным строем, со свирепыми криками. Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, разнося смерть на широкое пространство ... Их потому можно назвать самыми яростными воителями, что издали они сражаются метательными копьями ... а врукопашную, очертя голову, мечами рубятся и на врагов ... набрасывают крепкосвитые арканы ... в перемирии они неверны и непостоянны ... они не имеют никакого понятия о чести и бесчестии; они уклончивы и темны в речах, никогда не связаны уважением к религии; они пылают неудержимой страстью к золоту и до такой степени непостоянны и вспыльчивы, что иногда в один и тот же день, без всякого подстрекательства изменяют своим союзникам и снова примиряются без всякого посредничества»⁵¹.

Аммиан был последним крупным античным историком, да и античная эпоха в то время заканчивалась. Опустошенный гуннами Северный Прикаспий не скоро попал в поле зрения средневековых авторов, но это уже другая история и другие историки, а точнее – хронисты.

¹ *Ксенофонт*. Киропедия. V. 3. 24.

² *Страбон*. География. XI. 7. 1.

³ *Плиний Старший*. Естественная история. VI. 36.

- ⁴ Там же. VI. 46.
- ⁵ *Помпоний Мела*. Землеописание. III. 39.
- ⁶ *Клавдий Птолемей*. Географическое руководство. VI. 2. 5.
- ⁷ *Страбон*. География. XI. 7. 2.
- ⁸ *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. XVII. 75. 3.
- ⁹ *Аммиан Марцеллин*. История. XXIII. 6. 52.
- ¹⁰ Там же. XXIII. 6. 50–51.
- ¹¹ *Секст Эмпирик*. Пирроновские очерки. III. 227.
- ¹² *Порфирий*. О воздержании от мясной пищи. IV. 21.
- ¹³ *Геродот*. История. I. 215.
- ¹⁴ Там же. I. 216.
- ¹⁵ *Страбон*. География. XI. 8. 6.
- ¹⁶ Там же. VII. 3. 12.
- ¹⁷ Там же. XI. 7. 1.
- ¹⁸ Там же. XI. 8. 2.
- ¹⁹ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. XVIII. 4. 4 (100).
- ²⁰ *Тит Ливий*. История от основания города. XXXV. 49. 8.
- ²¹ *Помпоний Мела*. Землеописание. III. 6. 58.
- ²² *Дионисий Периегет*. Описание населенной земли. 726–732.
- ²³ *Геродот*. История. IV. 11–12. В новом переводе Г.А. Стратановского (Геродот. История. Л., 1972) в этом месте случайно или сознательно допущена неточность: вместо слова «справа», стоит «слева от Кавказа».
- ²⁴ Там же. IV. 123.
- ²⁵ *Клавдий Птолемей*. Географическое руководство. V. 8. 12–13.
- ²⁶ См.: *Курбатов А.А.* Миграции скотоводов I тыс. до н.э. – V в. н.э. в Нижнем Поволжье // Общество и государство: проблемы исторического развития. Астрахань, 2003. С. 5–7.
- ²⁷ *Геродот*. История. IV. 21.
- ²⁸ Там же. IV. 116–117.
- ²⁹ *Гиппократ* (Псевдо-Гиппократ?). О воздухе, водах и местностях. 24.
- ³⁰ *Псевдо-Скимн*. Землеописание. 874–885.
- ³¹ *Полибий*. Всеобщая история. XXV. 2. 12.
- ³² *Страбон*. География. II. 5. 7; VII. 3. 17.
- ³³ Там же. VII. 3. 17.
- ³⁴ Там же. XI. 2. 1.
- ³⁵ Там же. XI. 5. 8.
- ³⁶ *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека. II. 43. 5–7; Исигон Никейский. Невероятные сказания. 50; Помпоний Мела. Землеописание. I. 11–13; 114; 116; III. 34–35; Плиний Старший. Естественная история. VI. 35; 38.
- ³⁷ *Корнелий Тацит*. Анналы. XII. 15–17.
- ³⁸ *Корнелий Тацит*. История. I. 79.
- ³⁹ *Лукан*. Фарсалия. VIII. 220–225.
- ⁴⁰ *Иосиф Флавий*. О войне иудейской. VII. 7. 4.
- ⁴¹ *Клавдий Птолемей*. Географическое руководство. III. 5. 7.
- ⁴² *Павсаний*. Описание Эллады. I. 21. 5.
- ⁴³ *Аммиан Марцеллин*. История. XVII. 12. 1–3.
- ⁴⁴ Там же. XXII. 8. 27–31.
- ⁴⁵ Там же. XXXI. 2. 13; 17.
- ⁴⁶ Там же. XXXI. 2. 18–21.
- ⁴⁷ Там же. XXXI. 2. 22–25.
- ⁴⁸ *Геродот*. История. IV. 62–67.
- ⁴⁹ *Аммиан Марцеллин*. История. XXXI. 2. 12; 3. 1.
- ⁵⁰ Там же. XXXI. 2. 1–5.
- ⁵¹ Там же. XXXI. 2. 6–11.